ТОЙН А. ВАН ДЕЙК

ДИСКУРС И ДОМИНИРОВАНИЕ

(Van Dijk, T.A. *Introduction: Discourse and Domination*, in *T.A.van Dijk, Discourse and Power*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2008. PP. 1-26.)

Если мы определяем критические дискурсные исследования (КДИ) как академический проект, ориентированный на создание теории и критический анализ дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью и социального неравенства, то центральной задачей КДИ является детальное изучение концепта власти. Вместе с тем, как и в случае со многими фундаментальными понятиями социальных наук, понятие власти является сложным и неясным. Не удивительно, что большое количество книг и статей посвящено анализу этого ключевого концепта многих дисциплин. Я считаю необходимым обратиться к тем измерениям власти, которые непосредственно связаны с изучением языковой практики, дискурса и коммуникации.

Тем не менее, предмет моего исследования – дискурсивное воспроизводство злоупотребления властью и социального неравенства – вряд ли сам является непроблемным понятием, а значит и сам должен быть подвергнут детальному теоретическому анализу. Например, как особая интонация, местоимения, заголовок, тема, лексические единицы, метафоры, цвет или ракурс, помимо множества прочих семиотических характеристик дискурса, связаны с таким абстрактным и общим явлением, как властные общественные отношения? Иными словами, мы должны каким-то образом связать типичные особенности текста, речи, интеракции и семиотических практик как объекты микро-анализа с типичными характеристиками общества, такими как группы или организации и их отношения доминирования, как объектами макро-анализа.

Более того, КДИ – это направлены не на изучение любой власти, а, главным образом, на исследование *злоупотребления* властью или, иными словами, на исследование таких форм доминирования, которые результируют в социальном неравенстве и несправедливости. Такое нормативное понятие («злоупотребление» - это «плохо») требует проведение анализа с помощью других нормативных понятий и критериев социальной науки, таких как легитимность, которые, в свою очередь, предполагают привлечение этики и моральной философии. Так, в этой книге (Здесь и далее речь идёт о книге Т.А. ван Дейка “Discourse and Power”, первым – вступительным - разделом которой является этот текст (*прим. переводчика*)) я часто обращаюсь к дискурсивному воспроизводству расизма, а критический анализ таких дискурсивных практик предполагает, по крайней мере с моей точки зрения, что расизм – это плохо, поскольку расистские практики несовместимы с нормами социального равенства.

Главная цель КДИ - изучение дискурсивного злоупотребления властью – предполагает также изучение различий в доступе к социальной власти, и поэтому я обращаю особое внимание на различные способы доступа к публичному дискурсу как одному из ресурсов социальной власти.

Иными словами, мы видим, что многие концепты КДИ требуют

формулировки в контексте наиболее фундаментальных понятий социальных наук. В этой работе я постараюсь внести свой вклад в обсуждение оснований КДИ, разрабатывая теоретические понятия и применяя их к конкретным примерам критического анализа. Во Введении я представлю формулирую общую теоретическую матрицу работы.

Критические дискурсные исследования

Прежде чем представить теоретическую основу изучения дискурсивного воспроизводства использования власти, необходимо в более общих понятиях выразить объект критических дискурсных исследований. Несмотря на то, что сегодня широко распространен термин «критический дискурс-анализ» (КДА), я предлагаю заменить его термином «критические дискурсные исследования» (КДИ) в силу ряда очевидных причин. Главной причиной является то, что КДИ *не являются*, как признают многие авторы в области главным образом социальных наук, *методом дискурс-анализа.* Такого метода просто не существует. КДИ применяют любые методы, которые соотносятся с целями исследования, и эти методы, по большому счету, используются в целом при изучении дискурса. Фактически, в силу той же причины, *дискурс-анализ* сам не является *методом*, а, скорее, областью научной практики, междисциплинарным проектом, распространенным во всех гуманитарных и социальных науках.

По той же самой причине, я предпочитаю использовать термин «дискурсные исследования» (ДИ) для обозначения этой междисциплинарной области.

Методы (критических) дискурсных исследований

Как и в дискурсных исследованиях в целом, так и в КДИ в частности мы можем обнаружить ставшее уже привычным пересечение теории, методов наблюдения, описания и анализа, а также их практического применения. Так, не существует «одного» дискурс-анализа как некого метода, так же как и не существует «одного» социального или когнитивного анализа. Как ДИ, так и КДИ располагают большим количеством разных методов изучения в зависимости от целей исследования, природы изучаемого объекта, интересов и квалификации исследователя и других параметров исследовательского контекста. Таким образом, в обоих областях мы можем найти такие способы изучения структур и стратегий дискурса, как:

- грамматический (фонологический, синтаксический, лексический и семантический) анализ;
- прагматический анализ речевых и коммуникативных актов;
- риторический анализ;
- стилистический анализ
- анализ специфики (жанровой и т.д.) структур (историй, новостей, парламентских дебатов, лекций, рекламных текстов и т.д.);
- конверсационный анализ разговора;
- семиотический анализ звукового, визуального материала и других мультимодальных параметров дискурса и взаимодействия.

Все эти различные виды анализа (наблюдение, описание и т.д.) могут

комбинироваться и пересекаться различным образом, так что исследование может быть направлено на изучение семантику нарративов, риторику политического дискурса, прагматику разговора, семиотику стиля. В каждом виде исследования можно выделить множество альтернативных способов работы с информацией (которые часто обозначаются как «методы» или «подходы»), например, формальный или функциональный виды анализа, которые сами по себе имеют различные версии в различных теориях, научных направлениях или школах в рамках каждой научной дисциплины. Чаще всего эти виды анализа представляют собой качественные описания деталей структуры дискурса, но в тоже время, поскольку они зависят от эмпирических данных, они могут быть и количественными, что в большей мере справедливо в отношении лингвистики, вырабатывающей новые методы для КДИ.

Несмотря на все существующие отличия, мы, тем не менее, можем обозначить все эти подходы *способами* осуществления дискурсного *анализа* или *описания*. И хотя в этом случае не принято говорить о *методах* в традиционном смысле, нет никакой серьезной проблемы в том, чтобы описывать эти «способы анализа» как «*методы*».

Помимо указанных аналитических подходов исследования в области дискурса прибегают также к привычным методам социальных наук, таким как:

- включенное наблюдение;
- этнографические методы;
- эксперименты.

Дискурс анализируется не только как автономный вербальный «объект», но и как контекстуальное взаимодействие, социальная практика или тип коммуникации в социальном, культурном, историческом или политическом контексте. Например, вместо того, чтобы анализировать разговор между соседями, мы можем проводить полевое исследование в сообществах, наблюдать за тем, как люди общаются в кафе и других общественных местах или описывать такие релевантные аспекты этих коммуникативных событий, как временные или пространственные характеристики, особые обстоятельства, самих коммуникантов и их коммуникативные и социальные роли, а также различные виды деятельности, которые сопровождают общение.

С целью проверки определенных гипотез могут быть использованы не только типичные для социальных наук формы наблюдения и анализа, но и многие психологические методы проведения лабораторного и полевого эксперимента. Существует огромное количество исследований, посвященных изучению ментальных параметров, влияющих на производство и понимание дискурса, и часто мы можем понять, что они собой представляют и как они функционируют только в ходе эксперимента, в котором мы можем выявить, как особые экспериментальные условия (обстоятельства, информация, задания и т.д.) приводят к определенным последствиям в отношении общения и понимания дискурса.

Итак, и дискурсные исследования, и критические дискурс-исследования используют разнообразные методы наблюдения, анализа и прочие стратегии сбора, обработки и интерпретации данных, проверки гипотез, развития теории и получения знания.

Специфика предмета анализа КДИ

Важно отметить, что, несмотря на методологический плюрализм, существуют определенные предпочтения и тенденции, особое внимание КДИ к аспектам злоупотребления властью и, в широком смысле, к социальным условиям и последствиям дискурса. Прежде всего, КДИ-анализ обычно использует методы, которые никоим образом не нарушают права человека, которого он изучает, и которые не противоречат интересам социальных групп, с которыми он так или иначе связан. Иными словами, методы КДИ таковы, что они содействуют усилению влияния подчиненных групп, особенно в области дискурса и коммуникации.

Во-вторых, методы КДИ ориентированы на сложные отношения между социальной структурой и структурой дискурса, на выявление того, как дискурсивные структуры могут изменяться или зависеть от социальной структуры. Например, определенные синтаксические структуры предложений являются обязательными (таково, например, обязательное предшествование артикля существительному в английском языке), будучи независимыми от социальной ситуации дискурса, а значит, не будут существенно изменяться как функция власти говорящего. Разделяете ли вы правые или левые взгляды, грамматика языка будет неизменной для всех. Другими словами, злоупотребление властью может проявить себя в языке только там, где есть возможность изменений или выбора, например, назвать человека «террористом» или «борцом за свободу» в зависимости от позиции или идеологии говорящего. Таким же образом сводка новостей обязательно включает в себя заголовки, независимо от того играют они или нет роль воспроизводства этнических предрассудков. С социальной ситуацией связаны, скорее, форма и значение заголовка, а не его структура. И хотя такая перспектива в целом представляется однозначной, существуют случаи, в которых структуры доминирования влияют не только языковые особенности или дискурс, но и на целые семиотические или дискурсивные системы, жанры и прочие социальные практики.

Мы можем заключить, что КДИ в целом фокусируется на таких системах и структурах дискурса, которые могут зависеть или изменяться как функция соответствующих социальных условий использования языка, или которые могут содействовать определенным социальным последствиям дискурса, например, влияние на социальные убеждения и действия реципиентов. В частности, КДИ фокусируется на таких характеристиках дискурса, которые являются чаще всего ассоциируются с выражением, подтверждением, воспроизводством или вызовом социальной власти адресантов как членов доминирующих групп.

Эти характеристики могут включать в себя специальную интонацию или визуальные и аудиальные особенности (цвет, шрифт, свойства изображения, музыка), синтаксические структуры (например, активный или пассивный залог), выбор лексики, семантику пресуппозиций или личные описания, риторические фигуры или аргументативные структуры, а также выбор определённых речевых актов, вежливых речевых оборотов, разговорных стратегий.

Расистский дискурс и, в более широком смысле, идеологический дискурс «ин-группы» обычно с помощью различных присущих ему средств акцентирует

позитивные качества «нашей» группы и её участников, а также (предполагаемые) негативные характеристики «других», «аут-группы». Это часто достигается за счёт выбора определённых тем, размера или цвета заголовков, использования фотографий или рисунков, жестов, специальных языковых единиц, метафор, аргументов (или софизмов), рассказов и т.д. Очевидно, что одна общая стратегия, реализуемая в дискурсивном воспроизводстве (например, расистского или гендерного) доминирования, то есть противопоставление (поляризация) «ин-группы» и «аут-группы» («ин-группа» восхваляется, а «аут-группа» принижается), может быть реализована многими способами и на различных уровнях дискурса.

В рамках КДИ значение поляризованных структур дискурса связывается с выражением, установлением, подтверждением и, соответственно, воспроизводством социального неравенства. В то же время отметим, что взаимодействие между дискурсивными и социальными структурами – это не просто корреляционное или каузативное взаимодействие. Скорее, стоит говорить об очень сложном социокогнитивном процессе, включающем в себя, например, ментальные модели и другие когнитивные репрезентации, возникающие в сознании участников. Необходимо также учитывать, как, с одной стороны, на них влияют дискурсивные структуры и, с другой стороны, они влияют на взаимодействие между людбми (а значит и будущие дискурсы).

Основные задачи КДИ

Несмотря на большое количество методов, используемых в рамках КДИ, последние имеют общие задачи, с которыми соглашается большинство ученых. Я уже сформулировал выше одну из этих задач – изучение дискурсивного воспроизводства злоупотребления властью. Иными словами, КДИ испытывают особый интерес к критическому изучению социальных проблем, социального неравенства, доминирования и прочих релевантных феноменов в целом, а также роли дискурса, языковых практик и коммуникации в их реализации в частности. Собственно, можно говорить о сфере специализации КДИ, которые изучают особые социальные феномены, особые проблемы и особые темы исследования.

Тем не менее, это не всё. Понятие «критический» также требует ясности. Изучение социальных проблем – это привычная задача социальных наук, но «мейнстримовые» исследования далеко не всегда являются «критическими». Иными словами, в КДИ содержится нормативный аспект, перспектива, отношение, особый способ проведения социально релевантного исследования.

Дать точное определение этим критическим перспективам и отношения нелегко, и то определение, которое последует далее, не является абсолютно эксплицитным и достаточным. Дискурс-исследования могут быть определены как «критические», если они удовлетворяют одному или нескольким из следующих критериев определения понятия «доминирование» как «злоупотребления социальной властью со стороны некоторой социальной группы»:

• отношения доминирования изучаются в первую очередь с точки зрения и в интересах подчинённой группы;

• опыт (участников) подчинённой группы используется как свидетельство оценки доминирующего дискурса;

• можно доказать, что дискурсивные действия доминирующей группы – нелегитимны;

• адекватные альтернативы доминирующему дискурсу могут быть созданы только с учетом интересов подчинённых групп.

Из этих положений явным образом следует, что исследователи в области КДИ не являются «нейтральными»; они разделяют интересы подчиненных социальных групп. Они занимают определенную позицию, и делают это открыто. Между тем как «нейтральные» социальные исследования вполне могут имплицитно выражать определенную социальную, политическую или идеологическую позицию (или даже отрицать, что они выражают какую бы то ни было позицию, что очевидным образом тоже является своего рода позицией), исследователи в области КДИ признают и выражают их собственную исследовательскую заинтересованность и общественную позицию. Они не только научно обосновывают свой выбор темы и приоритетов исследования, теорий, методов и данных, но делают это также по социально-политическим основаниям. Они изучают социальные проблемы или формы неравенства не просто потому, что они представляются им «интересными» предметами исследования, но будучи также эксплицитно заинтересованными в социальных изменениях в пользу подчинённых групп. Они подвергают самокритичному анализу результаты своих исследований на предмет того, не содействуют ли они укреплению доминирующей позиции властных групп в обществе. Помимо собственно исследовательского интереса к доминантным группам, представители КДИ стремятся воздействовать и сотрудничать с ключевыми «агентами перемен» или «диссидентами» из этих групп.

Известна обширная дискуссия о том, являются ли ангажированные в социально-политическом смысле исследования «научными». Обвинения критических исследований в предвзятом отношении являются рутинными, и они сами нуждаются в критическом анализе хотя бы потому, что *невыражение* политической позиции – это тоже политический выбор. Тем не менее, будучи критическими исследователями, мы должны совершенно серьёзно воспринимать серьёзную критику. Важно подчеркнуть, что критическая и социально-заинтересованная сфера исследований не означает, что сам анализ будет не строгим. Всё, что было высказано в отношении критического анализа в социальных науках, отнюдь не предполагает, что теории и методы КДИ должны быть недостаточно научными.

Напротив, исследователи в области КДИ отдают себе отчёт в том, что дискурсные исследования социальных проблем, результаты которых могут эффективно содействовать доминантным группам, а также изменению нелегитимных дискурсных практик символических элит, обычно предполагают разработку комплексных и междисциплинарных исследовательских программ, теорий и методов. Именно благодаря строгой научности формальный анализ, например, местоимений, аргументативных структур, переходов конверсационального взаимодействия и т.д., составляющих часть более

комплексной исследовательской программы, может продемонстрировать, как эти структуры могут быть вовлечены в воспроизводство расизма или сексизма в обществе.

Как мы уже отмечали выше, строгий научный характер КДИ означает изучение связи между дискурсными и когнитивными структурами, с одной стороны, и дискурсными и социальными – с другой. Это требует привлечения междисциплинарных теорий и методов.

Иными словами, КДИ обладают специфичным подходом к изучению сложных социальных проблем, что предполагает, с одной стороны, применение и разработку сложных теорий и методов разных дисциплин, но с другой стороны КДИ должны удовлетворять упомянутым выше социальным критериям, таким как релевантность доминантным группам. Это означает, что в целом критерии КДИ часто являются более строгими, чем в других видах дискурсного анализа.

Подчеркнем, что мы вовсе *не утверждаем*, будто любое дискурсное исследование должно быть *критическим*, а критический анализ лишь потому представляется научным, что он является критическим. Критические исследования должны быть теоретически и методологически адекватными, иначе они не смогут преследовать социально-политические цели. В целом, плохой дискурс-анализ, в том числе в рамках КДИ, - это тот, который не соответствует самому главному критерию КДИ, то есть – не вносит вклад в социальные изменения.

Исследователи в области КДИ могут содействовать развитию теории, которая еще не получила своего прямого практического применения, но могла бы послужить основой КДИ. Если исследователи заинтересованы в общих вопросах дискурсного воспроизводства злоупотребления властью в обществе, они могут исследовать в более общих чертах отношения между дискурсом и властью или условия нелегитимности злоупотребления властью.

Необходимо также отметить, что, несмотря на общие цели и принципы критического социального анализа, КДИ не представляет собой гомогенное научное направление, что в целом характерно для любого направления в сфере социальных наук. Так, я выбрал в качестве предмета КДИ злоупотребление властью, а значит – доминирование и его последствия – социальное неравенство и способы его воспроизводства с помощью дискурса. Тем не менее, цель могла быть более широкой и включать в себя исследования власти и отношений между властью и дискурсом, что также является предметом рассмотрения во многих разделах этой книги. В качестве одной из целей КДИ можно также признать изучение отношений между дискурсом и обществом. Анализ отношений между дискурсом и властью или между дискурсом и обществом лежит в основе КДИ и предполагается в более частных исследовательских проектах. И тем не менее, я предпочитаю формулировать более частные цели, поскольку иначе КДИ сольется или поглотит социолингвистику, социологию языка, лингвоантропологию, политологию и прочие (суб)дисциплины, с которыми КДИ очевидным образом связаны. Причиной моего решения сконцентрировать внимание на нормативном понятии *злоупотребления* властью и *социального неравенства* связаны с логическим

основанием *критического* исследования. Такое исследование направленно на критический анализ того, что признается *неверным, незаконным, ошибочным* или *плохим* в соответствии со специфичными социальными ценностями или нормами. Мы вовсе не претендуем на изучение всех социальных и политических отношений власти в обществе, но обращаем внимание на нелегитимной власти и хотим понять, как и почему эта власть и, в частности, ее дискурсное измерение, является нелегитимной. Мы хотим изучить множество способов, которыми дискурс может использоваться в корыстных целях, и мы связываем такое исследование, например, с систематическим изучением дискурсной манипуляции, дезинформации, лжи, слухов, пропаганды и других форм дискурса, которые нацелены на нелегитимное управление сознанием и контролем над действиями людей в аспекте воспроизводства власти. Я связываю эту сложную исследовательскую задачу с понятиями *дискурса* и *доминирования*. Эта цель является достаточно широкой, но она .как я полагаю, является ключевой целью КДИ. Как мы увидим далее и на протяжении всей книги, это означает, что нам необходимо либо заимствовать, либо разрабатывать теоретические инструменты, трактующие общие понятия власти, социальной структуры, социальных групп, идеологии, контекста и других, использующихся в изучении дискурсивного доминирования.

Дискурс и воспроизводство социальной власти

Я рассматриваю сложные отношения между дискурсом и властью в рамках упомянутой выше более широкой задачи критических дискурс-исследований. Хотя существует множество определений власти в философии и социальных науках, в этой книге я в основном определяю *социальную* власть в терминах *управления*, которое осуществляет одна группа в отношении других групп и их членов. Традиционно определяя управление, имеют в виду управление действиями других. Если управление связано с интересами тех, кто реализует власть, и направлено против интересов контролируемых, то в этом случае мы можем говорить о *злоупотреблении* властью. Если при этом используются коммуникативные действия, то есть дискурс, мы имеем дело с более частным видом управления – управлением дискурсом других людей, что является одним из наиболее очевидных способов взаимосвязи дискурса и власти: люди не могут свободно говорить или писать когда, где, кому, что и как захотят, и они при этом частично или полностью контролируются властными группами, такими как государство, полиция, масс-медиа или бизнес-корпорации, заинтересованные в подавлении свободы (обычно критических) текстов и речи. Или наоборот, они могут говорить и писать так, как им позволено это делать.

Такое управление широко распространено в обществе. Лишь небольшое количество людей обладают абсолютной свободой говорить и писать то, что хотят, тогда, когда хотят, и тому, кому хотят. Существуют социальные ограничения (например, законы против клеветы или расистской пропаганды) и нормы уместности высказываний. На работе, в большинстве случаев, от людей требуется производить специфичные типы текстов. В этом смысле, управление дискурсом представляется скорее правилом, чем исключением. Для того, чтобы исследовать злоупотребление управлением дискурсом мы должны определить

его специфичные условия, такие как нарушение человеческих или социальных прав, которые будут рассмотрены далее.

Управление осуществляется не только в отношении дискурса как социальной практики, но и в отношении сознания управляемых, то есть в отношении их знания, мнений, отношений, идеологии, а также личных или социальных репрезентаций. В целом, управление сознанием является непрямым, подразумеваемым, возможным или вероятным следствием дискурса. Те, кто управляет дискурсом, могут косвенно управлять сознанием людей. А поскольку действия людей контролируются их сознанием (знаниями, отношениями, идеологией, нормами, ценностями), управление сознанием означает также косвенное управление действиями. Управляемое действие может снова оказаться дискурсивным, так что властный дискурс может косвенно влиять на другие дискурсы в интересах тех, у кого есть власть. Выше мы кратко изложили фундаментальный процесс воспроизводства власти с помощью дискурса. Рассмотрим его подробнее.

Управление контекстом: доступ

Если дискурс управляет сознанием, а сознание управляет действиями, то для властных групп важным является управлять в первую очередь дискурсом. Как они это осуществляют? Если коммуникативные события включают в себя не только «вербальные» тексты и разговоры, но и влияющий на дискурс контекст, то первым шагом в управлении дискурсом является управление его контекстом. Например, властные элиты или организации могут решать, кто, когда, где и с какими целями будет участвовать в том или ином коммуникативном событии.

Всё это говорит о том, что мы должны детально изучить способы регулирования властными группами доступа к дискурсу, что является типичным для наиболее влиятельных форм публичного дискурса, в частности – медиа-дискурса. Кто имеет доступ к производству новостей или программ и самим новостям и программам, и кто контролирует этот доступ? Кто ответственен за организацию пресс-конференций, на которые собираются журналисты? Чьи пресс-релизы читают и используют для публикации? Кого интервьюируют и цитируют? Чьи действия определяются как новости? Чьи статьи мнения или письма редактору печатают на страницах прессы? Кто может участвовать в телешоу? И в более широком смысле – чьё определение социальной и политической ситуации серьёзно принимается и воспринимается?

Во всех этих случаях мы говорим об *активном* доступе, то есть об участии в управлении содержанием и формами медиа, а не о более или менее «пассивном» доступе со стороны потребителей (даже если потребители могут активно сопротивляться медиа-сообщениям с помощью нежелательных интерпретаций). Также следует подчеркнуть, что расширенный, глобальный доступ к влиятельным медиа может привести к полному уничтожению небольших, альтернативных медиа, у которых меньше финансовых средств и технологических ресурсов. Другими словами, само понятие доступа требует более тщательного анализа, поскольку оно имеет несколько измерений. В этой книге я рассматриваю доступ как форму активного вовлечения или участия в производство публичного дискурса, например, способы доступа к журналистам

со стороны организаций и граждан и, соответственно, их возможность повлиять на содержание медиа.

Управление дискурсом

Установив, как осуществляется управление такими параметрами, как контекст и производство дискурса, мы можем рассмотреть, как структуры самого дискурса становятся предметом управления: что (от глобальных тем до локальных значений) может или должно быть высказано, и как должно быть сформулировано (с помощью каких слов, насколько детально и точно, в каких формах предложений, насколько должна присутствовать предыстория, и т.д.)? А также, какие речевые или другие коммуникативные акты должны или могут быть наполнены такими дискурсивными значениями или формами, и как эти акты организованы в социальном взаимодействии?

Управление сознанием

При изучении каждой фазы процесса воспроизводства нам требуется осуществить детальный и глубокий социальный, когнитивный и дискурсный анализы. Многие из уже упомянутых связей пока еще недостаточно хорошо поняты учеными. Мы только начинаем формировать знание о том, как индивиды понимают дискурс, но еще меньше мы знаем о том, как такое понимание приводит к различным «изменениям сознания»: это касается обучения, убеждения, манипуляции и внушения. «Управление сознанием» имеет отношение не только к пониманию текстов и речи, но также и к личному и социальному знанию, предыдущему опыту, личным мнениям и социальным установкам, идеологиям, ценностям и нормам и прочим факторам, играющим определенную роль в изменении сознания индивида.

Как только мы разберёмся в сложнейших когнитивных репрезентациях и процессах, мы сможем показать, например, как расистские сообщения об иммигрантах приводят к формированию или воспроизводству предубеждений и стереотипов, которые в свою очередь могут приводить к формированию системы расистских идеологий или контролироваться ими, а они, соответственно, - воспроизводить расистские тексты, что, в итоге, приводит к дискурсной репрезентации расизма. Сегодня мы имеем общее представление обо всём этом, но детали процесса дискурсного влияния на сознание людей нам пока непонятны.

Изучение медиа-влияния в терминах «управления сознанием» должно протекать в рамках более широкого социокогнитивного подхода, который связывает сложные структуры современного (нового) медийного ландшафта с использованием медиа и, в конечном итоге, с множеством способов влияния на сознание людей, которое оно оказывает. Безусловно, масс-медиа способствовали появлению огромного количества альтернативных СМИ, специализированных «нишевых» медиа и, в особенности, предоставили людям большие возможности за счёт интернета, мобильных телефонов и индивидуальных способов использования новостей, развлечения и прочего «контента». Предполагается, что читатели и зрители должны стать более критичными и независимыми. В то же время, очевидной является

необходимость тщательного критического анализа того, действительно ли такое разнообразие технологий, медиа, сообщений и мнений означает, что граждане являются более информированными и способными сопротивляться тонкой информационной манипуляции, которая, в свою очередь, становится всё более индивидуализированной и которая может быть направлена на поддержку доминирующих идеологий, не претерпевших больших изменений. Иллюзия свободы и разнообразия может быть одним из способов производства идеологической гегемонии, которая может служить интересам доминирующих общественных сил и не в самую последнюю очередь компаний, производящих сами технологии и медиа-контенты, создающих эту иллюзию.

Дискурс-анализ как социальный анализ

Аналогичные теоретические и эмпирические проблемы характерны для определения властных групп и организаций, которые предстают в качестве источника цикличных процессов дискурсивного воспроизводства власти. Какими характеристиками должны обладать группы людей, чтобы их можно было описать как властные?

Интуитивно понятно, что к властным группам следует относить правительства, парламенты, государственные организации, полицию, военных, большие бизнес-корпорации, а также представителей некоторых профессий, например, врачей и профессоров, или же такие социальные роли, как родители. Но если властной группой можно назвать СМИ как организации и предприятия, означает ли это, что отдельно взятые репортеры обладают властью? Большинство из них наверняка станут отрицать такое утверждение, даже если они осознают, что у них всё же есть власть, которая позволяет им влиять на сознание сотен, если не миллионов людей. В этом смысле власть следует определять не как власть индивида, но как власть социальной позиции и как составную часть власти организации. Таким образом, речь идёт о необходимости осуществления более глубокого социального анализа для того, чтобы точно определить, кто и как управляет публичным дискурсом.

Аналогичные примеры мы можем обнаружить в еще одной ключевой сфере «символической власти» - в сфере образования. Мы знаем, что учителя и учебники влияют на сознание студентов и мы вряд ли станем отрицать, что мы ожидаем от них такого влияния, если мы хотим, чтобы наши дети чему-нибудь *научились*. Однако, достаточно сложно отличить обучение, помогающее студентам с их настоящей и будущей жизни, от идеологического внушения властных групп или организаций и, соответственно, предупреждения развития у студентов критического потенциала.

И в то же время, вряд ли представляется возможным выбрать в качестве критического изучения только одного учителя или один отрывок из учебника, поскольку форма влияния может быть нелокализованной, гораздо более сложной, глобальной, противоречивой, систематичной и почти не заметной для всех вовлеченных индивидов. В действительности все – от министерства образования, разрабатывающего учебный план, от авторов, коллективов и издателей, которые выпускают учебники, и учительских комитетов, утверждающих их, до учителей, которые преподают по этим учебникам – все

они могут быть убеждены, что то, чему учат эти учебники, - полезно для детей.

Такие примеры могут быть обнаружены в различных областях общества, как то политика, право, здравоохранение, бюрократические и государственные учреждения, корпоративные бизнес-структуры, с верха и донизу, от управляющих элит до тех, кто реализует их политику, инструкции и планы.

Ещё раз: власть и доступ

В целом, когда мы «делаем» дискурс-анализ как социальный анализ, мы становимся вовлеченными в чрезвычайно сложные структуры организации, управления и власти, а дискурс в них является лишь одной из многих социальных практик, которые необходимо осмыслить. Более того, подобное критическое исследование сложных властных организаций имеет ряд специфичных методологических проблем, связанных, например, с серьезными ограничениями доступа к данным. Так, мы можем критически анализировать публичный выпуск новостей или редакторскую статью, учебник или диалог в классе, политическую пропаганду партии или рекламу компании, однако мы редко можем получить доступ к своего рода «вершинам» дискурсивного взаимодействия – «кабинетным» встречам, совещаниям с редактором газеты, собраниям лидеров политической партии или дискуссиям на уровне правления бизнес-компании.

Практический опыт свидетельствует, что чем выше статус дискурса и чем он влиятельнее, тем менее публичным он является и тем менее он доступен для критического анализа – иногда это закреплено юридически, как в случае с «кабинетными» совещаниями.

Так, в интересующей меня области изучения расизма и прессы, ни один из исследователей, насколько я знаю, до сих пор не смог получить доступ к совещаниям в редакции газеты. И каждый, кто проводил полевые исследования, знает, что интервьюировать элиты всегда гораздо сложнее, чем беседовать с обычными людьми в привычной для них обстановке – людьми, которые часто бывают счастливы поговорить с вами, поскольку обычно никто не интересуется в первую очередь именно их мнением или их опытом.

Именно поэтому мы располагаем публичными данными о расизме в виде политических дебатов, новостей, учебников и программ партий, но у нас данных о том, как «кабинетные» министры, партийные лидеры, редакторы, члены совета директоров или высокопоставленные чиновники говорят и пишут в своей среде об иммигрантах и меньшинствах.

Власть как управление публичным дискурсом

В этой книге я пытаюсь показать как тесно критический социальный анализ связан с контекстуальным дискурс-анализом. Социальная власть групп (классов, организаций) традиционно трактовалась в терминах их особого доступа к специфическим материальным ресурсам (или контроля над ними), таким как капитал или земля, к символическим ресурсам, таким как знание, образование или известность, или к физической силе.

Многие формы современной власти, тем не менее, должны быть истолкованы как *символическая* власть, то есть в терминах *особого доступа к*

публичному дискурсу (или контроля над ним), следуя логике описанного выше воспроизводства. Управление публичным дискурсом – это управление сознанием аудитории, а значит, косвенно, управление тем, что желает или делает аудитория. Тому, кто может убеждать, соблазнять, внушать или манипулировать людьми, не нужно применять силу.

В этом отношении сегодняшние символические элиты - политики, журналисты, учителя, адвокаты, чиновники и все, кто имеет особый доступ к публичному дискурсу, или бизнес-менеджеры, которые косвенно управляют этим доступом (например, в качестве владельцев масс-медийных империй) – все они являются теми, кого следует назвать властными группами, поскольку они отвечают этому критерию.

Символическая власть может быть выведена из других видов власти. Так, у политиков есть доступ к публичному дискурсу, поскольку у них есть политическая власть, а профессора – поскольку у них есть ресурсы знания. Если определять власть как контроль (представителями) одной группы над другой, то такие формы политической, академической или корпоративной власти действительно становятся эффективными, если они обеспечивают особый доступ к средствам производства дискурса, а значит к управлению сознанием аудитории.

В то время, как с классической точки зрения власть определяется в терминах класса и контроля над материальными средствами производства, сегодня власть широко трактуется как управление сознанием масс, а такое управление требует контроля над публичным дискурсом во всех его семиотических измерениях.

Итак, нам предстоит выйти за пределы (обычно верных, но слишком упрощенных) слоганов популярно-критической литературы о власти политиков или медиа как «менеджеров сознания» и детально изучить, что же всё это в точности означает: как становится возможным, что специфичные общественные группы устанавливают определения (то есть ментальные модели) и управляют эмоциями относительно общественных событий, общих социокультурных знаний и здравого смысла, мнений о различных проблемах и, в наиболее фундаментальном смысле, базовых идеологий, норм, ценностей, которые организуют и управляют социальными представлениями аудитории в целом.

Переосмысливая гегемонию

Мы видим, как тесно социальный анализ связан с дискурс-анализом и как такая связь в различных отношениях требует когнитивного анализа. Мы видим, как классическое понятие гегемонии, предложенное Грамши в его «*Тюремных тетрадях*», получает особое содержание за счет более эксплицитного анализа релевантных процессов, в частности, того, как идеологии воспроизводятся и как люди могут действовать помимо своей воли во имя интересов власти.

Обращение к дискурсивным и когнитивным средствам воспроизводства социальной власти в обществе, очевидно, означает выход за пределы привычного политэкономического или социологического макро-анализа. Политика и медиа, бесспорно, влияют друг на друга и управляют друг другом, будучи, в свою очередь, зависимыми от фундаментальных бизнес-интересов,

рынка и финансовой «целесообразности». И политэкономический, и макросоциологический анализы могут быть усилены и уточнены анализом связей и форм классового, группового и организационного управления.

Микроанализ власти

И тем не менее, дискурс-аналитики стремятся изучить эти фундаментальные отношения на более локальном, микро-уровне, например, на уровне повседневных взаимодействий, в которые вовлечены политики и журналисты, способов создания и распространения пресс-релизов, проведения пресс-конференций, стратегии ответов на критические вопросы журналистов и т.д.

Если агенты власти заинтересованы в управлении собственным имиджем в масс-медиа с целью завоевания поддержки и влияния на настроение и сознание аудитории, то им требуется управлять дискурсивными и интеракциональными элементами производства публичного дискурса, такими как нормирование времени, детализация содержания и стиль пресс-релиза, бизнес-отчёт или реклама, беседа и интервью с журналистами. Детальный анализ таких организационных дискурсных практик, направленных на управление производством публичного дискурса, позволяет нам выявить, как социальные макроструктуры связаны со структурами публичного дискурса и, в конечном итоге, как они могут повлиять на сознание аудитории в целом.

Необходимо отметить, что подобные социальные процессы воспроизводства не являются строго детерминированными. Например, несмотря на различные формы влияния со стороны государства и властных организаций, газеты как организации и журналисты как личности могут сопротивляться (до определенной степени) такому давлению и преподносить новости в соответствии с их собственными точками зрения и интересами.

То же справедливо и для аудитории новостных организаций. Конечно, люди находятся под воздействием новостей, которые они читают или смотрят, хотя бы потому что они получают и обновляют своё знание о мире. Но их понимание новостей и то, как они меняют свои мнения и оценки, зависит и от их предыдущих оценок и идеологий (разделяемых с другими членами группы), и от их собственного опыта. И именно эти личные интерпретации новостей, ментальная модель событий являются основой специфичных персональных действий индивида.

Иными словами, в контексте рассматриваемого здесь дискурсного воспроизводства власти связь между макроструктурами социетальной власти, с одной стороны, и индивидуальным поведением – с другой, является достаточно сложной и опосредованной.

Дискурс, знание, общество…

Представленный выше краткий анализ дискурсного воспроизводства власти направлен на выявление фундаментальных отношений трёх концептов, которые лежат в основе большей части моих исследований, - дискурса, знания и общества. Как мне представляется, любой тип КДИ должен учитывать все три измерения, даже если мы в силу каких-либо причин захотим ограничиться одним или двумя из них. Главной тенденцией критического исследования

является установление *прямой* связи между обществом – и особенно власти и доминирования – и дискурса, социальных практик и прочих феноменов.

Согласно моей теории, такой прямой связи не существует: нет никакого прямого влияния, которое социальные структуры оказывают на тексты. Скорее, субъекты социальных отношений наблюдают, переживают, интерпретируют и репрезентируют социальные структуры, например, как часть их повседневного взаимодействия или коммуникации. Именно эта (субъективная) репрезентация, эти ментальные модели специфичных событий, это знание, эти оценки и идеологии в конечном итоге влияют на дискурсы и другие социальные практики. Другими словами, личное и социальное знания всегда выступают посредником между обществом или социальными ситуациями и дискурсом. Следовательно, КДИ направлены на изучение социальных проблем в контексте триангуляции «дискурс – знание – общество». Ни одно из этих измерений не может быть понято без другого.

…а также история и культура.

Эти три измерения являются необходимыми, но не исчерпывающими. Есть еще, как минимум, два фундаментальных для КДИ измерения – *история* и *культура*, хотя я их рассматриваю как часть социального аспекта. Большинство из проблем, которые рассматриваются в этой книге – расизм, масс-медиа, политика, образование – имеют очень важное историческое измерение, анализ которого позволит более полно понять современные социальные проблемы. Расизм – это изобретение не современного мира; его история насчитывает столетия. С другой стороны, в последние десятилетия мы наблюдаем серьезные социальные изменения, касающиеся класса, гендера и этничности; многие современные общества в Европе, Северной Америке и Австралии в некоторых отношениях кардинально изменились по сравнению с тем, какими они были еще 50 лет назад. КДИ призван изучить эти изменения, в том числе в отношении дискурсного производства власти, а с другой стороны, выявить, действительно ли и насколько изменились фундаментальные отношения власти.

И наконец, это касается и культуры. Всё, что мы сказали, должно быть оценено и в аспекте культуры. Дискурсы и способы воспроизводства власти отличаются в зависимости от культуры, равно как и социальные структуры, и социальные знания, вовлеченные в процессы воспроизводства. В условиях возрастающей глобализации некоторые дискурсные жанры, вероятно, стали универсальными, как это произошло с международными новостями и даже некоторыми формами развлечений. В то же время представители различных культур могут понимать и использовать эти дискурсы по-разному в зависимости от разделяемого в их культуре знания и оценок. Это справедливо также и в отношении производства дискурса и его социальных условий, что также может иметь отличия в разных обществах и культурах. Это означает, что КДИ должны всегда учитывать культурный контекст участников дискурсного воспроизводства власти и, более того, степень влияния на дискурс кросс-культурного опыта современных обществ.

От власти к злоупотреблению властью: доминирование

Существует одно распространенное заблуждение, что власть – это нечто, что подразумевается как «плохое», и что анализ дискурса и власти по определению является «критическим» анализом. Это достаточно ограниченная трактовка власти и КДИ. Власть очевидным и тривиальным образом может быть направлена на достижение нейтрального и положительного результата, как, например, в тех случаях, когда родители и учителя обучают детей, СМИ информируют нас, политики – управляют, полиция – защищает, а врачи – лечат, при этом все используют свои особые ресурсы.

Это положение отнюдь не является оттоворкой, чтобы ввести ограничивающее «*но*…». Напротив, общество не функционировало бы без порядка, управления, проверок, без повсеместно присутствующих легитимных властных отношений. В этом смысле, многие виды социального анализа предполагают анализ власти и связанных с ней понятий.

КДИ предполагают глубинный взгляд в социальные структуры в целом и властные отношения в частности. Мы можем изучить *злоупотребление* властью только тогда, когда мы поймем, насколько оно причиняет людям вред и как социальное неравенство производится и воспроизводится в повседневной жизни. И только в этом случае мы можем понять, как неравномерно распространена власть в обществе.

Нелегитимное использование власти

КДИ направлены скорее на критический анализ злоупотребления властью политиками, нежели на изучение легитимного использования ими власти; на изучение того, как масс-медиа дезинформируют, а не информируют; на выявление того, как эксперты и преподаватели используют свои знания, чтобы вводить в заблуждение студентов, клиентов и прочих граждан, вместо того, чтобы обучать или лечить их. Я называю такие формы злоупотребления властью «*доминированием*», понятием, которое предполагает негативное измерение неравенства, несправедливости и неравноправия, то есть всех форм *нелегитимных* действий и ситуаций.

Доминирование включает в себя различные виды злоупотребления коммуникативной властью, что является предметом особого интереса для критических дискурс-аналитиков; эти виды включают в себя, например, манипуляцию, внушение, дезинформацию. Можно назвать и другие, недискурсивные примеры доминирования, которыми полны повседневные практики, истории и новости: сексуальные притязания, семейное насилие, политическая коррупция, притеснения и насилие со стороны полиции, терроризм и антитерроризм, войны и т.д.

Я упоминаю об этих примерах, чтобы подчеркнуть, что КДИ направлены на изучение лишь небольшого (но важного) сегмента форм доминирования и неравенства. С целью разработки хорошей основы для критических дискурс-исследований мы должны дать более четкое определение злоупотребления. Как мы различаем *использование* и *злоупотребление* языком, дискурсом и коммуникацией, новостями и аргументацией, парламентскими дебатами и законами,

результатами академических исследований или профессиональными отчётами, а также многими другими жанрами и коммуникативными практиками?

Так, СМИ могут информировать нас о гражданских волнениях, но в какой-то момент эта «информация» о «бунтах» превращается в тексты, содержащие предубеждения о чёрной молодёжи, «странах третьего мира», или в классовые идеологические тексты о малоимущих гражданах. Или в какой-то момент исследование, посвященное иммиграции или повседневной жизни меньшинств, вдруг начинает подтверждать распространенные стереотипы, например, о наркомании или насилии, и игнорировать факты повседневной дискриминации меньшинств властями, полицией и символическими элитами.

В целом, изучение очевидных способов злоупотребления дискурсом, будь то неприкрытая расистская пропаганда или псевдонаука, должно быть дополнено более детальным анализом повседневных практик, в которых «хорошее» и «плохое» соседствуют в текстах.

С какого же момента, описывая повседневные дискурсные практики, мы начинаем говорить о «злоупотреблении»? Мы уже начали описывать злоупотребление в терминах легитимности: злоупотребление властью – это *нелегитимное* использование власти. Такой анализ вскоре должен привести нас к основам социального и политического анализа. Злоупотребление властью, таким образом, означает нарушение фундаментальных норм и ценностей в интересах тех, у кого есть власть и против интересов других людей. Злоупотребление властью означает нарушение социальных и гражданских прав людей. В сфере дискурса и коммуникации к таким правам относится право быть (хорошо) образованным, хорошо информированным и т.д.

Нормативное определение легитимности, тем не менее, является очень сложным, и ее адекватный анализ составляет саму основу КДИ. Если мы планируем анализировать и критиковать доминирование, и если доминирование определяется как нелегитимное использование власти, то нам необходимо составить ясное представление о нормах, критериях и стандартах легитимности. Тогда принципиальным вопросом будет следующий: кто в первую очередь определяет, что является легитимным? В соответствии с распространенным либерально-демократическим ответом эту задачу выполняют демократически избранные представители, такие как парламент, городской совет и т.д. мы знаем из истории, что существовало большое количество расистских, сексистских и классовых законов и стандартов; так что закон как таковой не гарантирует легитимность в силу того, что мы применяем иные нормы и критерии. Это относится даже к формулированию международных прав человека, которые, как мы знаем, тоже менялись в ходе истории. Другими словами, как и все наши нормы, ценности и знания, стандарты легитимности – относительны, меняются в историческом и межкультурном аспектах, даже если мы постоянно признаем их универсальными.

Если мы говорим о легитимном использовании власти и нелегитимном злоупотреблении властью, мы должны признать, что и первое, и второе может производить легитимные формы неравенства. Это имеет отношение не только к очевидным различиям политической власти, но и ко всем случаям неравного распределения властных ресурсов, включая материальные, такие как деньги.

Важным для нас представляется то, что такое неравное распределение касается также и нематериальных, символических ресурсов власти, таких как знание и доступ к публичному дискурсу. Так, мы считаем «нормальным» неравенство между преподавателями и студентами, профессионалами и их клиентами, экспертами и неспециалистами, журналистами и их аудиторией. Ключевой вопрос в КДИ касается того, какие из подобных различий во властных ресурсах являются легитимными в соответствии с сегодняшними стандартами справедливости, равенства и международных прав человека, а какие являются свидетельством нелегитимного злоупотребления властью. Когда властные ресурсы журналистов, такие как специальное знание и информация, а также доступ к масс-медиа, используются легитимно, т.е. в целях информирования граждан, а когда происходит злоупотребление властью с целью дезинформирования, манипулирования и причинения вреда гражданам.

Мы видим, что значительная часть содержания понятия (не)легитимности дискурса сформулирована в терминах негативных ментальных *последствий* дискурсного доминирования – дезинформации, манипуляции, стереотипов и предубеждений, недостатка знания, внушения – и того, как они означают или ведут к социальному неравенству, так как подобные ментальные последствия, в свою очередь, могут влиять (делать нелегитимными) на социальные взаимоотношения, и примером тому может быть дискриминация.

Несмотря на то, что мы можем принять общую дефиницию дискурсивного доминирования в терминах негативных социальных последствий для реципиентов, спецификация точных норм и ценностей, которые делают эти негативные последствия эксплицитными, представляется очень сложной процедурой, зависящей от той или иной точки зрения.

Несложно сформулировать, почему расистские сообщения являются «плохими» - например, потому что они формируют и подтверждают расистские стереотипы и идеологии, которые, в свою очередь, являются основой расистской дискриминации, а она по определению направлена против интересов дискриминируемых и нарушает их фундаментальные права. По этим же причинам расистские сообщения или политическая пропаганда запрещены законом во многих странах.

Пример расистского сообщения

А что если газета освещает, например, мародёрство во время «бунтов», совершаемое чёрными молодыми людьми, как это случалось в Великобритании и США и о чем я пишу в своей книге «Расизм и СМИ»? Очевидно, что освещение преступных деяний представителей меньшинств не является само по себе ни проявлением расизма, ни нарушением их гражданских прав, даже если подобное «негативное» сообщение может поддерживать этнические предрассудки среди большинства белых людей. Итак, мы должны применить детальный анализ текста и контекста для того, чтобы убедиться, что то или иное сообщение является расистским. Так, в случае с нашим примером, сообщение может быть идентифицировано как более или менее расистское, если оно отвечает следующим условиям:

• если представлены негативные действия только чёрных молодых людей, а

не другой молодёжи или же полиции;

• если негативные действия чёрных молодых людей акцентированы (с помощью гипербол, метафор), а действия полиции деакцентированы (например, с помощью эвфемизмов);

• если действия особым образом выражены в «этнических» и «расовых» терминах, а не в таких, как, например, «молодёжь», «малоимущие», «мужчины» и прочих, более релевантных терминах;

• если бунты, мародёрство и насилие представлены как самостоятельные события вне социальных причин, например, как следствие частых преследований со стороны полиции или в более широком контексте бедности и дискриминации;

• если газета систематически публикует расистские материалы, а значит, вероятно, следует политике негативных сообщений о меньшинствах;

• если используются только и преимущественно «белые» источники информации, которые обвиняют чёрную молодёжь и оправдывают действия полиции.

Мы видим, что нормы, которые нарушаются, не противоречат друг другу. Напротив, составляют часть профессиональных норм адекватного освещения событий, которые требуют сбалансированной репрезентации события, объяснения их в терминах социальных причин и контекстов и функции контроля над недопущением злоупотребления властью агентами государственных силовых структур. Журналисты знают и должны знать о возможных последствиях расистских сообщений о сообществах меньшинства, а значит они должны быть очень внимательны в отношении соблюдения общих норм профессиональной журналистики. Они не должны ни закрывать глаза на преступления, совершаемые меньшинствами, ни подвергать себя самоцензуре, а лишь следовать установленным профессиональным нормам освещения Других.

Легитимная необъективность

Пример с расистским сообщением о «бунтах» является всё же достаточно однозначным, поскольку мы можем применить общие нормы и ценности профессиональной журналистики, чтобы оценить критически это сообщение. Однако существует большое количество примеров других, более или менее «плохих» или пристрастных сообщений, которые не нарушают существующие нормы и которые не приводят к негативным социальным последствиям, например, когда левацкая газета подчеркивает положительные качества «левого» кандидата на выборах и негативные качества «правого» кандидата. Такие очевидные пристрастия могут быть мотивированы, когда большинство прессы является консервативным и представляют «левых» кандидатов (более) негативно.

Аналогичным образом пресса может создавать негативные образы коррумпированных политиков, загрязняющих или дискриминирующих предприятий и т.д., и подобное освещение может быть предвзятым по отношению к оппонентам, но последствия для аудитории являются однозначно положительными.

Итак, мы можем заключить, что мы должны внимательно изучать контекст, нормы и ценности, предопределяющие ту или иную дискурсивную практику.

Тем не менее, в качестве общего эмпирического правила, мы можем говорить о нелегитимном использовании дискурсной власти, то есть о доминировании, если тот или иной дискурс или его возможные последствия систематически нарушают человеческие или гражданские права людей. В частности, к таким случаям следует отнести поддержку дискурсом различных форм социального неравенства, а также если дискурс строится в соответствии с интересами доминирующей группы и против интересов недоминирующей группы, особенно в силу того, что у последней нет доступа к публичному дискурсу.

Далее, мы должны определить частные характеристики того или иного дискурсного жанра или дискурсной практики. Мы привели пример медийной новости, но, конечно же, нам необходимо разработать критерии, аналогичные рассмотренным выше, для всех типов публичного дискурса, таких как парламентские дебаты, политическая пропаганда, реклама, корпоративные дискурсы, учебники и учебное взаимодействие, юридический, научный и бюрократический дискурсы.

Контраргумент: невозможность управлять последствиями

Ещё одной трудностью теории дискурсного доминирования является то, что она сформулирована не просто в терминах дискурсных структур, то есть структур, которыми автор может в определенной степени управлять, а значит, от которого они в определенной степени зависят, но также и в терминах (ментальных) последствий этих структур. Политики и журналисты обычно не соглашаются с обвинениями в том, что они производят предвзятые тексты, утверждая, что они не влияют на то, как люди читают, понимают и интерпретируют их дискурсы.

Такой контраргумент не безоснователен, поскольку не существует причинно-следственной связи между дискурсом и его интерпретацией: из психологии понимания дискурса мы знаем, что дискурс как таковой – это один из множества факторов, влияющих на понимание и интерпретацию; к прочим факторам относятся контекст чтения, существующее знание и идеология читателя, его личная биография и настоящий опыт, его настоящие интенции и цели, его роль и статус и т.д.

Но несмотря на индивидуальную и контекстуальную зависимость, это отнюдь не означает, что дискурсы как таковые не имеют отношения к процессам социального влияния. Выработано общее представление о способах получения знания, предубеждений и идеологий, в том числе посредством дискурса. Следовательно, профессиональные авторы и организации должны представлять себе о возможных или вероятных последствиях их дискурса в отношении социальных репрезентаций их реципиентов. Например, практически не вызывает сомнений тот факт, что повторяющееся акцентирование внимания на девиантных или криминальных характеристиках представителей меньшинства создает и поддерживает *социально разделяемые* расистские установки в обществе, а не только мнения отдельно взятых фанатичных индивидов.

Также не вызывает сомнения то, что большинство наших идеологий созданы с помощью дискурсов. В этом смысле то, что не существует прямого

управления сознанием реципиентов, не является оправданием для дискурсивного манипулирования, учитывая профессиональное знание о возможных тенденциях масштабного влияния подобных практик на сознание и действия реципиентов. В действительности, элитарные группы и организации прекрасно понимают, к каким эффектам в отношении сознания аудитории приводят их «информация», реклама и пропаганда 'information' – иначе они бы не занимались так активно публичной коммуникацией.

Практическая значимость критических дискурс-исследований

Всё, что было сказано выше, в первую очередь относится к КДИ, которые, как нам кажется, способствуют пониманию того, какую роль играет дискурс в воспроизводстве доминирования и как злоупотребление властью приводит к социальному неравенству. Для КДИ крайне важным является то, что подобное понимание практически соотносится с подчинёнными группами. Несмотря на то, что известно множество примеров практического «применения» критических дискурс-исследований, это направление КДИ всё ещё остаётся недостаточно развитым и изученным. В связи с этим, я сформулирую несколько положений.

Посредничество и консультирование

Если политик, журналист или преподаватель утверждают, что они не знают (или не знали) о возможных негативных социальных последствиях их дискурса, то посреднические функции, очевидно, могут выполнить критические дискурс-аналитики. Они могут детально продемонстрировать, как темы, заголовки и лиды новостей, аннотации или резюме научных статей, слоганы в политическом дискурсе могут быть использованы и эксплуатированы для «определения ситуации», то есть как эти дискурсные структуры могут быть использованы для создания высшего уровня (макро)структур ментальных моделей событий. Критические аналитики могут показать, как специфичные лексические единицы используются для конструирования в этих ментальных моделях деталей событий или характеристик людей, или же как ментальные модели упрощаются до предубеждений и прочих социально разделяемых установок.

КДИ могут и должны заниматься дискурсивной подготовкой специалистов, для того чтобы показать, как публичный дискурс элитарных групп может влиять на сознание граждан и как такое влияние способствует воспроизводству социальной структуры. Понимание последствий чьего-либо дискурса (и любых публичных действий) – это одно из условий ответственности, такое же, как и наше знание о воздействии химических продуктов на окружающую среду. В таких ситуациях оправдание «Мы не знали!» (или его немецкий вариант, который был использован в качестве оправдания после второй мировой войны – «Wir haben es nicht gewusst!») уже не признается адекватным, также как и оправдания в случае загрязнения среды.

Просвещение

Просвещение граждан с помощью КДИ – это еще одна важная практика,

поскольку люди должны научиться лучше понимать цели дискурсных элит и способы дезинформирования, манипулирования и причинения вреда аудитории с помощью публичного дискурса. Так, главной социальной и практической целью КДИ является развитие стратегий дискурсивного инакомыслия и сопротивления.

Советы специалистам, профессиональные этические кодексы

Для достижения этих целей мы должны подробно изучить, какие параметры дискурса, дискурсные жанры и в каких коммуникативных контекстах вероятнее всего приводят к тем или иным социокогнитивным последствиям в отношении формирования знания, установок и идеологий. Это исследование предполагает сотрудничество дискурс-аналитиков с лингвистами, психологами, социологами, которые вносили бы свой вклад в изучение сложного дискурсно обусловленного воспроизводства процессов социального неравенства.

Несмотря на то, что обучение КДИ – это важная форма сопротивления дискурсивному доминированию, она не является достаточной. Лишь немногие газеты отказались от расистских журналистских практик в результате критического дискурс-анализа. Это относится к большинству критических исследований. Но в то же время, мы являемся свидетелями успехов феминистских и экологических движений, так что сопротивление может оказывать влияние даже на самых могущественных.

Традиционно существует один долгий путь, пролегающий через социальные институты, то есть – обучение журналистов и других специалистов главным положениям нашей концепции. У нас достаточно ясные цели в университетском преподавании: учить студентов критическому анализу текстов, преподаванию его другим студентам и развитию теорий с целью его совершенствования.

КДИ использует также менее опосредованные формы сопротивления, доказавшие свою эффективность в других областях – например, в сфере противодействия расистским и сексистским сообщениям в СМИ или в области экспертных заключений для международных организаций, обладающих определенной властью, таких как ООН или Совет Европы - и те, и другие периодически предпринимают действия, направленные против расизма.

Если мы выявляем случаи воспроизводства расизма в масс-медиа, мы можем сразу же сформулировать конкретные рекомендации, которые могут принять форму добровольных профессиональных кодексов, как это встречается во многих областях. Кодексы могут содержать в себе критерии допустимого, касающиеся деятельности редакций, репортёров, тем новостей, информационных источников и т.д. – иными словами, стандарты общих профессиональных ценностей и норм. Они могут открыто требовать запрета на использование любых нерелевантных ссылок на этническое происхождение индивидов, особенно в негативных (криминальных и т.д.) новостях. Эта норма была принята в отношении освещения «третьего мира» и исламских стран; также, неоднократно предлагалось ввести аналогичную норму в освещении гендера в СМИ.

Расизм вредит бизнесу

Помимо просветительских, исследовательских и политических стратегий, реализуемых в том числе при помощи влиятельных международных организаций, дискурсивное сопротивление, как его понимают в КДИ, включает в себя еще одну важную стратегию, затрагивающую основу неолиберальных идеологий и практик – прибыль. Мы утверждаем и доказываем, что и расистский, и сексистский дискурсы, равно как и недостаток разнообразия в целом, вредит бизнесу. В американском, европейском или австралийском обществах, становящимися все более межкультурными и принимающих в ряды своих граждан и партнеров всё большее количество неевропейцев, вряд ли было бы разумным практиковать антагонизм в отношении потенциальных клиентов с помощью расистской политики, расистских медиа-сообщений, расистского обучения и прочих дискурсивных практик. Если у граждан есть выбор между расистскими и нерасистскими газетами или телеканалами, то мы можем себе представить, что они себе выберут, особенно если они занимают открытую позицию против расизма.

Среда самих журналистов может оказаться недостаточно разнообразной. Этнически миноритарных журналистов, если их вообще берут на работу, принимают в редакции исходя из схожести их взглядов с ценностями владельца или редактора газеты, или предполагая, что они вскоре ассимилируются со своими коллегами, если они заинтересованы сохранить свою работу или приемлемые условия труда. В этом случае мощным стимулом изменения редакционной политики является разнообразие в среде читателей газеты. В целом, бизнес будет стремиться к сокращению дискриминации, если его менеджеры понимают, что о и в области набора квалифицированного персонала, и в сфере удовлетворения потребностей своей аудитории расизм является губительным для бизнеса.

Альянсы и кооперация

КДИ являются более эффективными, если основываются на стратегических альянсах с теми объединениями, некоммерческими государственными организациями, группами меньшинств или институциями, которые включены в борьбу против различных форм социального неравенства вообще и дискурсивной дискриминации в частности, например, против расистского и классового подхода в политике, медиа, образовании и науке. Возможно, это не всё поле деятельности КДИ, но этого вполне достаточно для реализации значительного количества исследовательских проектов, форм кооперации и социального действия.

Что делать?

Резюмируем, что практическая значимость КДИ связывается, главным образом, с подготовкой студентов как критически мыслящих профессионалов, с осуществлением экспертизы для влиятельных международных и любых общественных организаций, а также с разъяснением корпоративным организациям, что любая форма дискурсивной дискриминации в конечном итоге вредит бизнесу.

Представители КДИ могут осуществлять критический анализ учебников и предлагать новые издателям и управляющим структурам в образовании. Они могут вести курсы для журналистов по созданию нерасистских новостей. Они могут проводить мастер-классы для предпринимателей по нерасистскому взаимодействию с клиентами. И многое, многое другое.

В заключение еще раз повторим, что все эти важные практические задачи КДИ могут быть реализованы только при условии проведения большого количества детальных исследований ключевых дискурсных практик, особенно в сфере политики, медиа, образования и науки, то есть исследований символических и дискурсных элит и их повседневных практик и продуктов.

Перевод Е.Кожемякина